

Две тюремные Пасхи. Из воспоминаний¹

Тяжелая была эта Пасха из всех четырех, какие пришлось мне переживать в неволе с 1923 по 1926 год, июнь месяц, за великую Церковь Российскую. Первая Пасха — в Бутырской тюрьме, две — на Соловецких островах и одна — на Поповом острове, в каторжном, сказал бы я, пересыльном пункте. Вот эта последняя Пасха оставила во мне неизгладимый след: с одной стороны, внешней, — грустный след, с другой — радостный: по внутренней радости, в особенности теперь, когда на другом краю Земли живу, с крайнего севера — на дальнем юге. Печаль в этой Пасхе началась с того, что она, Пасха, оказалась неожиданной для меня. Четвертую Пасху должен я был встречать дома, в семейном кругу. Но Господь судил иначе.

30 марта всей нашей группе окончился срок сидения за честь родной Церкви, за честь Никольского прихода в нашем, не признавшем обязательным для себя, существовании Ростовского революционного комитета по церковным делам. И 31 марта в 11 часов 30 минут ночи приятель отца Алексия (Трифильева. — В.П.Ч.²) В.Д. Анфилов, делопроизводитель администрации лагеря, вызвал его из инвалидной роты и поздравил с освобождением. Прочитав присланную радиотелеграмму, отец Алексий с изумлением увидел, что моей фамилии не было. Между тем я спал в своей канцелярской роте, когда пришел канцелярист Пивоваров и сообщил, что троих сейчас поздравляли с получением ответа. «Ну, — думал я, — если троих, то и я там. Как иначе может быть?» — и спокойно уснул, радуясь, что завтра вечером «прощай, пересыльный пункт Попов остров», поистине каторжный остров. Но утро принесло самую печальную весть: я и епископ Митрофан по неизвестной причине остаемся, до какого времени — неизвестно.

¹ Публикуется с сокращениями по: Резникова И.А. «Православие на Соловках. СПб., 1993. С. 43–46.

² В.П.Ч. — Виталий Павлович Чехранов, сын отца Павла Чехранова, который и передал воспоминания отца для публикации.

но. Может, на неделю, но, может быть, и на десять недель. «Ах, — думал я, — опять мне наибольшее, чем другим! Или грешнее всех, или Господь больше других любит!..»

Проводил я завистливым оком отца Алексия и еще шесть человек священников и остался томительно ожидать того дня, когда тот же Анфилов вызовет и меня.

Кругом лед, снег, железная колючая проволока, на высоких столбах — будки, где часовые, проклиная остров, в тулупах охраняют жизнь тяжких-претяжких «преступников»: епископов, священников, протодиаконов... Грусть на сердце. А на ум все же идет мысль: «Разве есть в твоей жизни что-либо случайное? Разве не Господь управляет миром и твоей жизнью? Разве Он желает тебе зла? Подожди — и ты увидишь благие последствия этой временной задержки».

Прошло недели две. Таким же неудачником оказался еще и другой арестант — военный инженер Е. И. Пржевальский. Ему еще 23 февраля окончился срок, а вот уже 15 апреля, а освобождения нет. В полной уверенности, что он в срок уедет из лагеря, Е. И. списался с администрацией одного из уральских заводов и получил место с окладом жалования в 200 рублей. Понятна та тревога, та тоска, какую он переживал, ведь пропадало выгодное место; кроме того, деньги, присланные ему на проезд, расходовались, а ехать нельзя. И мы, оба неудачника, сидя или маршируя по казарме, то делали всякие предположения о причине нашей задержки, то справлялись, пришла ли лодка с почтой.

Мою тоску нарушил заврабсилой — грузинский офицер, тоже арестант, — Яшвили.

— Ты знаешь, — сказал он мне, — сегодня с партией пригнали Илариона!..

— Неужели?!

— Да, да, в инвалидной роте осматривают...

Хотя было около 10 часов ночи, я решил повидаться с дорогим архиепископом. Но до окончания осмотра никого не пускали. Я, долго не думая, взял в руки сверток бумаги — пустые бланки на опись казенных вещей, карандаши в руки и, с видом чиновника особых поручений, прямо туда. Пригнавшая из Петрограда воинская команда оказалась довольно приличная, вежливая, и меня свободно впустили, на что я ей сообщил:

— Будьте осторожны, здесь в лагере сыпной тиф...

В роте крик, шум, гам, обыск в полном ходу. Присматриваюсь: сидит на нарах архиепископ Иларион в коричневом кафтане. Как увидел меня, сразу бросился:

— Отец Павел!.. Отец Павел!..

Расцеловались. Но наша дружеская встреча обратила внимание ротных командиров и помощника лагерного старшины Пепеллевского (генерала Пепеллевского) и Ф. Поливцева. И хотя я доказывал свое служебное положение бумагами и карандашами, но все же они настояли убраться до окончания обыска.

меченными надзором. И все же сердце дышало радостью, что пасхальная служба все же совершается нами вопреки строгому приказу коменданта.

Пропели полунощную. Архиепископ Иларион благословил заутреню.

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази его... — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион.

Мы запели:

— Христос воскрес!...

«Плакать или смеяться от радости?» — думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню.

— Христос воскрес! — сказал владыка Иларион, и мы все трое облобызались.

Владыка Иларион сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал и часы с обедницей совершить. И мы совершили вдвоем. Только я был за председателя, владыка Нектарий за псаломщика — так он сам пожелал, ибо знал все песнопения, равно и чтения, апостоловец, наизусть.

Днем по случаю праздника я пригласил владыку Илариона на кофе в свой барак. Но пили его в комнате канцелярии хозяйственной части, пустующей по случаю праздника. Владыка удивился моей смелости и изобретательности. Кофе — с халвой, с кусочками кулича, который был прислан кемским духовенством для всех нас.

— А пили вы кофе по-венски? — спросил меня владыка и, смеясь, рассказал, как это делается.

На другой день службу совершили мы с владыкой Нектарием вдвоем, ходя по дорожке. И этот день также казался мне праздничным, как и первый — с «богослужением».

Эта пасхальная служба осталась в памяти и у владыки Илариона. В тот год в декабре ему кончался срок. Его уже перевезли на берег из Соловков ввиду прекращения навигации. В декабре я получил от него письмо: «Колесо фортуны повернулось обратно, меня снова перевозят в Соловки...» Действительно, из Москвы пришло извещение: продлить изоляцию еще на три года. «На повторительный курс остался», — шутил владыка Иларион. И в 1927 году, в мае, писал мне: «Вспоминаю прошлогднюю Пасху. Как она отличается от сегодняшней! Как торжественно мы справили ее тогда!..»

Да, обстановка Пасхи 1926 года необычайна. Когда мы втроем ее справляли в недостроенной пекарне, в это время там, в Ростове, в залитом электрическим светом кафедральном соборе, при участии чудного хора И.Ф. Ковалева городское духовенство совершало тоже пасхальное торжественное богослужение. Но!.. Думается нам, наша кемская Пасха с владыкой Иларионом, в пекарне без окон и дверей, при звездном освещении, без митр и парчовых риз, дороже была для Господа, чем великолепно обставленная ростовская...